PG 3312
.Z5 G68

1859

THE LIBRARY OF CONGRESS

С248
69

ЧИТАЛАГАЙСКІЯ ОДЫ

ДЕРЖАВИНА.

Читалагайскія оды мало кому извѣстны, да и то большею частью только по имени; и неудивительно: онѣ изданы были въ 1776 году отдѣльною книжкой, которая въ послѣдствіи сдѣлалась рѣдкою, и не были перепечатываемы до 1845 года, когда наконецъ попали въ собраніе сочиненій Державина, изданное книгопродавцемъ Штукинымъ. Принадлежа къ числу раннихъ и еще неблестящихъ опытовъ нашего поэта, оды эти и не могли обратить на себя общаго вниманія. Но при подробномъ изученіи Державина нельзя однакожъ не остановиться на нихъ и не посмотрѣть, на какой степени зрѣлости находился въ то время Державинъ и что онъ обѣщалъ для будущаго своего развитія. Это кажется намъ тѣмъ болѣе нужнымъ, что до сихъ поръ не было еще у насъ говорено

PG3312
.Z5G68
1859

сколько-нибудь обстоятельно объ одахъ читалагайскихъ, и всѣ, писавшіе о Державинѣ, довольствовались тѣмъ, что мимоходомъ только упоминали о ихъ появленіи. Разсмотримъ сперва, въ какое именно время и въ какихъ обстоятельствахъ онѣ были написаны и займемся потомъ самымъ содержаніемъ ихъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ пугачевскаго бунта издана была маленькая книжка (8$^{0}_{2}$) въ 38 страницъ подъ заглавіемъ: *Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ* (*) *1774 г.* На заглавномъ листѣ ея не означено ни имени автора, ни когда и гдѣ она напечатана. По свидѣтельству Сопикова и Остолопова это было въ 1777 году; этотъ же годъ указываетъ и самъ Державинъ въ своихъ объясненіяхъ подъ одою *Вельможа* (**); Дмитріевъ говоритъ, что книжка вышла около 1776 г. изъ типографіи академіи наукъ (***). Но изъ тогдашнихъ Петербургскихъ Вѣдомостей оказывается, что читалагайскія оды пущены были въ продажу въ началѣ 1776 года. Въ прибавленіяхъ къ № 12, 13, 14, Февраля 9, 12 и 16-го, объявлено, что онѣ продаются въ академической книжной лавкѣ въ переплетѣ по 20 к., и безъ переплета по 15 коп.

(*) Не *Читалагарѣ*, какъ напечатано въ изданіяхъ Штукинскомъ (1845 г.) и Смирдинскомъ (1851).

(**) Опытъ росс. библіографіи, № 3135; Ключь къ соч. Державина, стр. 13.

(***) Москвитянинъ 1842 г., I. Державинъ, изъ записокъ Дмитріева.

Въ 1774 году Державинъ участвовалъ въ походѣ противъ Пугачева; но въ журналѣ, веденномъ имъ въ это время и включенномъ въ послѣдствіи въ его записки, ничего не упомянуто ни объ его литературныхъ занятіяхъ въ ту эпоху, ни о горѣ Читалагаѣ. Въ диктованныхъ же имъ объясненіяхъ на его стихотворенія, про оду *На смерть Бибикова* сказано, что она написана «въ саратовской губерніи при горѣ Читалагаѣ (*) въ колоніи Шафгаузенъ», а объ этой колоніи не разъ говорится въ журналѣ Державина (см. его записки въ Рус. Бес. 1859 г., II, стр. 67, 69, 72, 73, 86, 89, 92).

Изъ разсказа его видно, что въ началѣ марта 1774 г. главнокомандующій Бибиковъ поручилъ ему ѣхать въ Саратовъ съ тѣмъ, чтобы въ окрестныхъ мѣстахъ, какъ «въ гнѣздѣ раскольничей сволочи», — въ Малыковкѣ (нынѣш. Вольскѣ), на Иргизѣ и Узеняхъ стеречь Пугачева и принимать всѣ возможныя мѣры къ поимкѣ его, о чемъ и дано ему подробное тайное наставленіе (стр. 63).

Сдѣлавъ въ Малыковкѣ нужныя распоряженія и побывавъ въ Саратовѣ, Державинъ въ рапортѣ Бибикову между прочимъ просилъ разрѣшенія брать изъ Саратова имѣющіяся при управленіи иностранными поселенцами роты, и доносилъ, что онъ подъ раз-

(*) Имя *Читалагай* состоитъ изъ двухъ татарскихъ словъ: *чи* есть названіе степной травы, въ родѣ камыша, изъ которой на востокѣ плетутъ корзины, ширмы, двери и т. п., а *талагай* значитъ — голова, верхушка.

ными предлогами держится въ колоніяхъ, чтобы, живя въ одномъ мѣстѣ, не возбудить толковъ.

Эти колоніи, заведенныя за 10 лѣтъ передъ тѣмъ, расположены были на луговой, т. е. лѣвой сторонѣ Волги, въ той части вольскаго уѣзда, которая нынѣ отошла къ самарской губерніи: начинаясь въ 52 верстахъ отъ Саратова колоніею Екатеринштатъ, онѣ тянулись верстъ на 100 въ степь до верховья рѣки Малаго Карамана, гдѣ лежала колонія *Шафгаузенъ*, которую Державинъ по этому и называетъ крайнею (*) (стр. 69).

Получивъ на свою просьбу разрѣшеніе главноначальствующаго, Державинъ въ первой половинѣ апрѣля потребовалъ изъ Саратова команды подъ видомъ авангарда войскъ, идущихъ отъ Астрахани, и ему присланъ былъ отрядъ съ двумя пушками, который онъ для прикрытія колоній и помѣстилъ въ Шафгаузенѣ.

Вскорѣ послѣ того пришло извѣстіе, что Пугачевъ удалился въ Башкирію; Державинъ, находя, что около Волги его уже стеречь нечего, рѣшился итти на подкрѣпленіе Яицка. 21-го числа онъ выступилъ вмѣстѣ съ своею командой, но на пути его встрѣтило увѣдомленіе, что Яицкъ между тѣмъ освобожденъ генера-

(*) Въ нынѣшнемъ николаевскомъ уѣздѣ. Изъ геогр. словаря Щекатова видно, что первоначально колонія Шафгаузенъ лежала не тамъ, куда переведена въ послѣдствіи. Здѣсь говорится о ея первоначальномъ положеніи. Вѣроятно, она уже позже перенесена ближе къ Иргизу.

ломъ Мансуровымъ, и потому онъ остановилъ свой отрядъ на Иргизѣ.

Тогда-то получилъ онъ отъ князя Щербатова ордеръ 2 мая съ извѣстіемъ о смерти его благодѣтеля Бибикова и о принятіи княземъ временно начальства надъ войскомъ. Такъ какъ Державинъ находилъ, что онъ, послѣ удаленія Пугачева въ Башкирію, уже не можетъ дѣйствовать по возложенному на него порученію, то и просилъ уволить его отъ настоящаго поста. Но по всеподданнѣйшемъ докладѣ о томъ Щербатова, императрица повелѣла не перемѣнять распоряженія покойнаго Бибикова, а потому и оставаться Державину безотлучно на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ онъ еще нуженъ, при чемъ ему приказано отъ Малыковки по Иргизу учредить ввѣренною ему командою посты.

Между тѣмъ пришло извѣстіе, что ставропольскіе калмыки, желая проникнуть въ Башкирію, пытались прорваться чрезъ самарскую линію, но будучи тамъ разбиты, большею частію обратились къ Иргизу. Хотя противъ нихъ былъ командированъ подполковникъ Муфель, однакожъ и Державину поручалось помѣшать ихъ предпріятію, особенно же прикрыть колоніи; это было тѣмъ удобнѣе, что саратовская команда, какъ видно изъ предъидущаго, тогда уже находилась на Иргизѣ. Державинъ приказалъ начальствовавшему командой капитану Ельчину дѣйствовать противъ калмыковъ, но этотъ офицеръ, по недостатку храбрости, распорядительности, а отчасти и матеріальныхъ средствъ, не могъ окончательно усмирить калмыковъ,

а удовольствовался отраженіемъ ихъ отъ Иргиза. Когда же Муфель подоспѣлъ, то Ельчину сообщено Державинымъ, чтобъ онъ подвинулся къ Волгѣ и заслонилъ колоніи. Но какъ въ слѣдующемъ іюнѣ мѣсяцѣ получено извѣстіе, что Пугачевъ 22-го мая на голову разбитъ Михельсономъ на Яикѣ и опять скрылся въ Башкирію, то по совершенномъ возстановленіи спокойствія на Иргизѣ ввѣренная Державину команда возвращена въ Саратовъ.

Этотъ разсказъ, извлеченный нами изъ записокъ Державина, показываетъ, что онъ въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ 1774 года, прежде и послѣ отправленія имъ саратовской команды на Иргизъ, стоялъ въ колоніи Шафгаузенѣ, и такъ какъ онъ не начальствовалъ самъ непосредственно этимъ отрядомъ, имѣвшимъ особаго командира, артиллеріи капитана Ельчина, то въ промежуткахъ между распоряженіями своими Державинъ имѣлъ конечно довольно досуга и могъ писать свои оды при горѣ Читалагаѣ, которая, по словамъ его, находится въ колоніи Шафгаузенъ. (*)

Правда, онъ и въ слѣдующіе мѣсяцы еще посѣщалъ эту колонію, гдѣ стоялъ у коммисара ея, егеря Ивана (стр. 86), но это время проводилъ онъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ и уже не имѣлъ возможности заниматься кабинетными трудами.

Въ 1775 году, когда мятежъ уже давно былъ

(*) Оригинальная рукопись *Объясненій* Державина на сочиненія его: примѣчанія къ одѣ на смерть Бибикова.

прекращенъ, Державинъ по особому порученію князя Голицына пробылъ опять «всю весну и небольшую часть лѣта въ колоніяхъ праздно», и по этому П. И. Бартеневъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ запискамъ (Р. Бес. 1859 г., II, 104) выражаетъ мысль, что «вѣроятно въ это именно время написана бо̀льшая часть читалагайскихъ одъ. Державинъ, относя ихъ вообще ко времени пугачевщины, могъ потомъ невѣрно помѣтить ихъ 1774 годомъ». Дѣйствительно, очень вѣроятно, что напр. ода *На великость* написана въ маѣ или іюнѣ слѣдующаго года, не задолго до празднованія турецкаго мира (*) въ Москвѣ, куда и Державинъ долженъ былъ къ тому времени явиться въ полкъ.

На эту мысль наводитъ особенно послѣдняя строфа и всего болѣе пятый ея стихъ:

Уже дымятся олтари,
Душѣ превыспренней, парящей,
Среди побѣдъ, торжествъ зари,
Своимъ величествомъ свѣтящей.
Россія празднуетъ жену.
Но что за громъ мнѣ ударяетъ?
Екатеринѣ міръ взываетъ:
Ты свергла змія и луну!

Въ 1774 году эта ода не могла быть написана при горѣ Читалагаѣ, потому что пока Державинъ на-

(*) Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи заключенъ 10 іюля 1774 г., а праздновался ровно черезъ годъ того-же мѣсяца и числа.

ходился въ колоніяхъ, бунтъ еще не былъ окончательно усмиренъ, а въ предпослѣдней строфѣ поэтъ говоритъ:

Она пожары, язвы, гладъ,
Свирѣпы бунты укротила;
Всѣхъ золъ зіялъ на насъ какъ адъ, —
Она бѣды всѣ отвратила:
Магмету стерла гордый рогъ;
Превыше смертныхъ щедрой власти,
Была покровъ намъ въ лютой части,
Какъ былъ на насъ самъ въ гнѣвѣ Богъ.

Ода *На знатность* должна быть тоже сочинена послѣ Кучукъ-Кайнарджискаго мира: это надо заключить опять изъ одного стиха послѣдней строфы въ похвалу Румянцову. Сказавъ:

Отечеству Румянцовъ другъ
И прямо свѣта хвалъ достоинъ,
Великъ, что въ немъ геройскій духъ, —

поэтъ прибавляетъ:

Но болѣ, что *Востокъ спокоенъ*
И *Съверъ* сталъ его рукой.

Слѣдовательно и эту пьесу надобно отнести ко времени послѣдняго пребыванія Державина въ саратовскихъ колоніяхъ, т. е. къ 1775 году. Затѣмъ изъ четырехъ оригинальныхъ одъ, написанныхъ при Читалагаѣ, только двѣ остальныя, именно оды: *На смерть Бибикова* и *На день рожденія ея величества* могутъ быть несомнѣнно признаны за произве-

денія 1774 года. Послѣдняя изъ нихъ, вѣроятно, относится къ апрѣлю мѣсяцу, въ которомъ приходился день рожденія императрицы (21-го числа). Замѣчательно, что къ заглавію этой оды Державинъ, не смотря на сказанное уже на заглавномъ листѣ всей книжки, счелъ нужнымъ прибавить слова: «сочиненная во время войны и бунта 1774 года»; но можно ли изъ этого вывести заключеніе, что прочія оды написаны не въ это-же время? Нѣтъ, кажется—эта приписка сдѣлана только для того, чтобы болѣе выставить оду на видъ; не для того ли же она и помѣщена самою послѣднею? Ода *На смерть Бибикова*, по всей вѣроятности, написана того-же года въ маѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ полученія Державинымъ извѣстія объ этой потерѣ въ ордерѣ кн. Щербатова отъ 2-го числа (Зап. Держав., въ Р. Б., II, 70). Въ экземплярѣ читалагайскихъ одъ, принадлежавшемъ поэту (*), къ заглавію этой оды приписано его собственною рукою: *1774 года;* вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ Бибикова «генералъ-аншефа» зачеркнутъ и замѣненъ именемъ: «Александра Ильича». Съ этимъ измѣненнымъ заглавіемъ ода вошла въ изданіе 1798 года.

Что касается до одъ, переведенныхъ прозою изъ сочиненій Фридриха II, то—кажется—Державинъ началъ ими книжку съ расчетомъ, чтобы болѣе замѣчательное, оригинальное приберечь къ заключенію, какъ-бы на закуску, и притомъ онъ не даромъ вы-

(*) Нынѣ собственность Д. В Полѣнова.

бралъ для перевода пьесы такого содержанія, какъ оды: *На ласкательство* (la flatterie) и *На порицаніе* (la calomnie). Можетъ быть, первою онъ хотѣлъ предупредить упрекъ въ лести, которому легко могъ подвергнуться за оду на день рожденія государыни, (*) а второю изливалъ свое негодованіе на недоброжелательство, которое уже тогда его преслѣдовало, если предположить, что это было писано весною 1775 года. Съ тою-же мыслью о претерпѣваемой имъ несправедливости перевелъ онъ по-видимому и оду *На постоянство* (la fermeté), которой основная идея ясно выражается въ послѣднихъ словахъ ея: «постоянною душою только надлежитъ сносить свирѣпость несчастія, которое никакъ премѣнить не можно.»

Наконецъ и ода *Мовтерпію* по содержанію родственна съ предъидущими, и не мудрено, что Державинъ по настроенію, въ которомъ тогда находился, обратилъ вниманіе именно на эти оды, внушенныя Фридриху Великому размышленіемъ о суетѣ всего житейскаго. Зная тогдашнія объстоятельства Державина, мы имѣемъ право выводить эти заключенія, потому что и въ послѣдствіи все, что онъ ни писалъ, было въ тѣсной связи съ его жизнью.

(*) Такое опасеніе выразилъ онъ ясно въ одѣ *На великость*:

Богини, радости сердецъ,
Я здѣсь высотъ не выхваляю;
Помыслитъ кто, что былъ я льстецъ, и проч.

Съ порядкомъ, въ которомъ расположены читалагайскія оды, согласно и самое заглавіе ихъ, гдѣ слово: *переведенныя* съ намѣреніемъ поставлено прежде, нежели *согиненныя*, тогда какъ по общепринятому обычаю скорѣе можно бы было ожидать на первомъ мѣстѣ названіе: *согиненныя;* такъ наприм. первый русскій журналъ назывался «Ежемѣсячные *сочиненія* и *переводы*, къ пользѣ и увеселенію служащіе». Означеніе въ заглавіи одъ мѣста, гдѣ онѣ были написаны, тѣмъ болѣе оригинально, что имя горы Читалагай никому не могло быть извѣстно, равно какъ и тѣ обстоятельства, по поводу которыхъ авторъ вблизи ея находился. Въ этой особенности заглавія, ничѣмъ не объясненной, выразилась уже прихотливая смѣлость Державина. Другая странность та, что ни въ заглавіи книжки, ни при самыхъ заимствованныхъ одахъ не сказано, откуда онѣ переведены, и что здѣсь переводныя оды ничѣмъ не отличены отъ оригинальныхъ, кромѣ своей прозаической формы, которая однакожъ сама по себѣ не носитъ никакого признака относительно ихъ происхожденія. Впрочемъ въ старину писатели не были такъ совѣстливы, какъ нынче, въ показаніи источниковъ, откуда они заимствовали свои мысли.

Читалагайскія оды изданы очень неисправно: въ нихъ множество самыхъ грубыхъ опечатокъ; такъ напримѣръ во 2-й строфѣ оды *На постоянство* читаемъ: «низведенный *Гіевз* боговъ» вмѣсто: низведенный *енъвз* боговъ; въ той-же одѣ черезъ страницу,

въ 8-й строфѣ: «*пользующій* льстецъ» вмѣсто: *ползущій* льстецъ; въ одѣ-же *На знатность* (въ послѣдней строфѣ) цѣлый стихъ: «И прямо свѣта хвалъ достоинъ» напечатанъ два раза.

Но еще гораздо болѣе ошибокъ въ этихъ одахъ произошло отъ незнанія языка и неумѣнья выражаться—двухъ недостатковъ, которые въ то время въ поразительной степени принадлежали Державину.

Въ этомъ отношеніи читалагайскія оды составляютъ любопытный матеріалъ для изученія исторіи литературнаго развитія Державина. Едвали отъищется гдѣ-нибудь примѣръ другаго писателя, который 31-го года отъ роду былъ бы такъ нетвердъ въ употребленіи литературнаго языка, а въ послѣдствіи шагнулъ бы такъ далеко въ силѣ и яркости поэтическаго выраженія.

Читалагайскія оды составляютъ для насъ едвали не единственный обращикъ того, какъ Державинъ писалъ въ самый ранній періодъ своего поэтическаго поприща: правда, въ собраніи его стихотвореній есть пьесы, отнесенныя имъ даже еще къ 70 году, но онѣ въ первый разъ напечатаны были не прежде, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и судя по языку ихъ, который гораздо новѣе и вообще лучше, нежели въ читалагайскихъ одахъ, передъ тѣмъ были значительно исправлены. (*) Къ подкрѣпленію этого предположе-

(*) Въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ 1779 года въ *собраніи разныхъ надписей* есть двѣ пьесы, отмѣченныя даже 1767 годомъ; но конечно и онѣ были хотя отчасти исправлены при напечатаніи.

нія можетъ служить ода *На смерть Бибикова*, которая дошла до насъ въ двоякомъ видѣ: такъ какъ она читается въ читалагайскихъ одахъ и въ позднѣйшей переработкѣ, при которой она во многомъ измѣнена. Въ читалагайскихъ одахъ намъ становится особенно ясно, до какой степени недостаточное воспитаніе, не сообщившее Державину даже порядочныхъ свѣденій въ родномъ языкѣ, находилось въ противорѣчіи съ призваніемъ писателя, къ которому онъ чувствовалъ неодолимое влеченіе. Какія препятствія предстояло ему преодолѣть трудомъ для того, чтобы дѣйствовать на этомъ поприщѣ съ успѣхомъ! И эти препятствія онъ самъ чувствовалъ: мы знаемъ изъ словъ Остолопова, что еще долгое время Державинъ былъ недоволенъ тѣмъ, что писалъ; а что онъ писалъ много, это можно заключить изъ того, что еще 1770 году онъ сжегъ въ карантинѣ «превеликую кипу бумагъ, находившихся въ сундукѣ его». (*) Изъ того-же источника намъ извѣстно, что онъ усердно переводилъ нѣмецкихъ поэтовъ; но изъ этихъ переводовъ почти ничего не дошло до насъ, частію потому что онъ самъ уничтожалъ ихъ. Нѣсколько болѣе самоувѣренности онъ показалъ изданіемъ читалагайскихъ одъ; однакожъ и тутъ не рѣшился выставить своего имени, да и еще долго послѣ того печаталъ свои труды безъ подписи: такъ мало онъ ослѣпленъ былъ на счетъ ихъ достоинства.

(*) Остолоп. *Ключъ*, стр. 8 и 13.

Въ читалагайскихъ одахъ Державинъ является вообще весьма плохимъ грамотѣемъ и неискуснымъ стихотворцемъ. Мало того, что онъ не знаетъ правилъ языка; онъ многимъ словамъ придаетъ невѣрное значеніе, или самъ куетъ новыя, часто очень неловко, такъ что иногда трудно понять у него и цѣлыя выраженія. Кромѣ того онъ употребляетъ германизмы, которые ясно указываютъ, что оды Фридриха II, какъ и многое другое, онъ переводилъ не съ французскаго подлинника, а съ нѣмецкаго переложенья. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и весьма несовершенное знаніе нѣмецкаго языка. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго. Въ самыхъ заглавіяхъ переводныхъ одъ видно недоразумѣніе: положимъ, что *ласкательство* тоже что̀ *лесть*, но *порицаніе* уже никакъ не тоже что̀ *клевета*, и *постоянство* не то что̀ *твердость* (fermeté): въ нѣмецкомъ переводѣ было вѣроятно Standhaftigkeit, а Державинъ смѣшалъ это слово съ Beständigkeit. Превращеніе имени Монертюи въ *Мовтерпія* показываетъ полное невѣденіе французскаго языка.

Къ неудачно-придуманнымъ словамъ, частію простымъ, частію сложнымъ, надо отнести слѣдующія: *пореваніе* (въ подлинникѣ fureur), *потаканія* (applaudissements, въ нѣмецкомъ переводѣ вѣроятно Beifall), *сынолистіе*, т. е. трава, *изощренно-убійственная* стрѣла, *высоковыйное* счастіе, *упіеніе* (ivresse), *приводецъ* (guerrier), *намущеніе* (les reproches), *споны* (препоны), *отроище* (assemblage), *по-*

зорѣ (théâtre), *налоги несчастія*, *щедродарный*. Слово *фіялъ* (т. е. кубокъ) употреблено однажды совершенно ошибочно вмѣсто *факелъ* (ода: На порицаніе, 3-я строфа); (*) въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, въ 12 строфѣ) сказано *шерстневъ* вмѣсто *шершней*.

Укажемъ теперь нѣкоторыя неудобопонятныя фразы: «Нравное ласкательство есть чадо собственнаго прибытка» (ода: На ласкательство, 3-я строфа). Кто бы подумалъ, что это выраженіе должно заключать въ себѣ слѣдующую мысль французскаго подлинника:

L'insinuante flatterie
Est la fille de l'intérêt?

Перевернувъ эту фразу по нѣмецки: «Die gefällige Schmeichelei ist die Tochter des Eigennutzes», догадываемся, откуда взялись слова *нравный* и *собственный прибытокъ*. Gefallen—нравиться; ergo gefällig—нравный! Der Eigennutz—буквально, по составу слова—собственный прибытокъ; близко, но не вѣрно! Нынѣче мы сказали бы: «вкрадчивая лесть—дочь корысти». Такое-же плохое знаніе нѣмецкаго языка видно, напр. въ одномъ мѣстѣ оды къ Мовтернію, во фразѣ: «Мевій и Виргилій во множествѣ

(*) «Между тѣмъ какъ *угасшій фіялъ* мрачнаго твоего подозренія раздуваешь ты вновь и отрясаешь его близъ престоловъ, то въ куреніи семъ исчезаютъ оныя». Въ подлинникѣ:

Des noirs *flambeaux* de Tisiphone
Animant les sombres lueurs, и проч.

смѣшанны», гдѣ слово Menge надо было принять въ смыслѣ *толпы*, а не *множества*; по французски сказано:

Là, dans la foule confondus,
Les Virgile, les Mévins.

Далѣе, въ другомъ мѣстѣ: «Кинжалъ твой, прободая честь, возставляетъ бранниковъ. Болѣе нежели одинъ приводецъ (*) за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ» (ода: На порицаніе, 9-я строфа). Что бы это значило? Вотъ соотвѣтственные четыре стиха французскаго подлинника:

Ton poignard qui frappe la gloire
Fait ressusciter les héros;
Plus d'un guerrier dut sa victoire
Aux aiguillons de ses rivaux.

Наконецъ еще одинъ примѣръ: «На страшномъ позорѣ (**) ономъ, гдѣ люди яко на игрищѣ представляютъ свои лица» (ода: На постоянство, 3-я строфа). Такъ передано мѣсто, которое у Фридриха II находимъ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

Sur ce prodigieux théâtre,
Dont les humains sont les acteurs.

(*) Есть польское слово dowódzca, начальникъ отряда, офицеръ.

(**) Слово *позоръ* Державинъ и послѣ употреблялъ въ смыслѣ позорища, зрѣлища.

Четыре оды Фридриха II, переведенныя Державинымъ, находятся въ IV томѣ собранія его сочиненій (Oeuvres de Frédéric II), изданнаго въ Берлинѣ 1789 года, гдѣ онѣ напечатаны вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими его одами, расположенныя не въ томъ порядкѣ, какъ у Державина.

Перейдемъ къ оригинальнымъ читалагайскимъ одамъ, написаннымъ стихами. Какъ въ позднѣйшее время, такъ и здѣсь уже Державинъ въ стихахъ владѣетъ языкомъ лучше, нежели въ прозѣ. Правда, и въ нихъ встрѣчаются поразительно-неловкія выраженія, но рѣже,—каковы напримѣръ эти два стиха изъ оды *На великость* (9-я строфа):

И въ нижней части можно быть
Пресвыше, какъ носить корону!

т. е. и въ низкой долѣ можно быть выше, чѣмъ нося корону.

Или напримѣръ этотъ стихъ изъ оды *На день рожденія ея величества*:

Не прольетъ Пугачевъ кровей.

(15 строфа.)

Но за то и въ этихъ стихотвореніяхъ уже слышатся иногда тоны, въ которыхъ мы узнаемъ будущаго Державина, и пріемы, извѣстные намъ изъ лучшей поры его поэзіи. Такъ между вступительными строфами оды *На великость* насъ поражаетъ по

мысли слѣдующая (3-я), въ которой однакожъ надо бы также измѣнить нѣкоторыя слова:

Свѣтилы красныя небесъ,
Теперь ко мнѣ не наклоняйтесь;
Дубравы, птицы, звѣри, лѣсъ,
Теперь на гласъ мой не сбирайтесь:
Для васъ высокъ сей пѣсни тонъ.
Народы! васъ къ себѣ сбираю,
Великость вамъ внушить желаю,
И вы, цари! оставьте тронъ.

Въ этихъ одахъ уже встрѣчаются извѣстныя Державинскія гиперболы, которыя подали Гоголю поводъ сказать: «недоумѣваетъ умъ рѣшить, откуда взялся въ немъ этотъ гиперболическій размахъ его рѣчи». Такъ въ той-же одѣ онъ говоритъ о Геркулесѣ (6-ая строфа):

Онъ въ путь течетъ средь безднъ, средь блатъ,
Изъ корней горы исторгаетъ,
Горами страшными бросаетъ,
Шагами потрясаетъ адъ.

Въ одѣ *На день рожденія ея величества* онъ прекрасно говоритъ про солнце, которое стыдится сіянія Екатерининой славы (5-я строфа):

Трясетъ горящими кудрями
И жаркихъ бьетъ коней возжами.

Въ той-же одѣ онъ для характеристики императри-

цы уже собираетъ, какъ въ послѣдствіи, черты дѣлъ ея, наприм. (9-ая строфа):

Торги, художества, науки
За милости, воздѣвши руки,
Тебя одну благодарятъ.

Нѣкоторые стихи, которыми онъ здѣсь прославляетъ государыню, можно бы просто принять за отрывки изъ Фелицы; такъ онъ говоритъ, обращаясь къ Богу (16-ая строфа):

Подай, да царствуетъ едина
Надъ свѣтомъ всѣмъ Еракинета:
Имъ долженъ тотъ, кто благъ, владѣть.

Ода *На знатность* послужила основаніемъ знаменитой оды *Вельможа*, окончательно написанной Державинымъ черезъ 20 лѣтъ позже (въ 1794 г.), и нѣсколько стиховъ изъ первой цѣликомъ вошли въ послѣднюю, которая впрочемъ значительно распространена во всѣхъ своихъ частяхъ. Такъ въ концѣ, вмѣсто одной строфы въ честь Румянцова, находимъ цѣлыхъ три, ему посвященныхъ, и въ противоположность этому полководцу представленъ въ весьма рѣзкой характеристикѣ Потемкинъ, о которомъ впрочемъ тогда легко было писать, потому что его уже не было въ живыхъ. Для сравненія здѣсь приводятся изъ обѣихъ одъ тѣ строфы, которыя въ явной связи

между собою, при чемъ мы печатаемъ курсивомъ стихи, оставшіеся почти безъ измѣненія при послѣдней редакціи:

(Изъ оды *На знатность*.)

1.

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что̀ равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что̀ имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сѣдящій за кристалломъ,
Въ кивотѣ блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

2.

На стогнѣ поставленъ, на позоръ, (*)
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ;
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной!
Статуи, безъ достоинствъ, вы!

3.

При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ
Калигула, быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ?

(*) Т. е. на позорище, на показъ.

(Изъ оды *Вельможа.*)

1.

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь муза прославляетъ,
Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ.
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

3.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ-ль, вельможи, таковы?

4.

. . . . . .

Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ;
Сіяютъ добрыя дѣла.

Третья строфа оды *На знатность* оканчивается обращеніемъ къ вельможѣ, въ которомъ замѣчательны три послѣдніе стиха, не вошедшіе однакожъ въ позднѣйшую оду:

Не только-ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?

Но всего любопытнѣе, что знаменитѣйшее мѣсто *Вельможи* взято изъ оды *На знатность*, съ измѣненіемъ только одного стиха:

Я князь—коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
И всѣмъ усерденъ для услугъ.
(Царю, закону, церкви другъ.)

Наконецъ ода *На смерть Бибикова*, единственная изъ читалагайскихъ одъ, вся внесена Державинымъ въ собраніе его сочиненій съ частными только измѣненіями. Конечно, поэтъ сохранилъ ее не только потому, что она въ цѣломъ удалась ему лучше другихъ, такъ что оставалось передѣлать въ ней только отдѣльные стихи, но еще и особенно потому, что онъ хотѣлъ передать потомству это вылившееся у него изъ души, искреннее и простое выраженіе любви и благодарности къ вельможѣ, который былъ однимъ изъ украшеній вѣка Екатерины. Такимъ образомъ въ одахъ читалагайскихъ, не смотря на все ихъ несовершенство, мы видимъ ступень къ будущему величію поэта и любопытную страницу изъ перваго періода его литературной жизни. Уже одно то, что молодой офицеръ въ тревогѣ походной жизни чувствуетъ охоту и находитъ досугъ продолжать свои лю-

бимыя занятія, есть явленіе очень замѣчательное для того времени. Недостатки и промахи читалагайскихъ одъ, объясняясь неблагопріятными обстоятельствами юности Державина, не могутъ служить ему въ укоръ; напротивъ они заставляютъ насъ еще болѣе удивляться силѣ и смѣлости, съ какими онъ послѣ восторжествовалъ надъ оковами, наложенными на него жизнью. Но въ читалагайскихъ одахъ замѣтны также, какъ мы показали, проблески вдохновенія и таланта. Такого мнѣнія о нихъ былъ и современникъ нашего поэта Дмитріевъ. Узнавъ, что у самого Державина не сохранилось экземпляра читалагайскихъ одъ, онъ предложилъ ему свой. Державинъ, по словамъ Остолопова, самъ сознавался, что эти оды «писаны весьма нечистымъ и неяснымъ слогомъ», (*) и потому онъ удивился, какъ можно придавать цѣну этимъ слабымъ опытамъ незрѣлаго таланта; но Дмитріевъ возразилъ: «Я всегда любилъ эти оды.»—Что-же ты находилъ въ нихъ?—«Ты уже и тогда корячился», отвѣчалъ Дмитріевъ (**). Въ послѣдствіи онъ въ своихъ запискахъ выяснилъ мысль этой шуточной похвалы, отозвавшись такъ о книжкѣ читалагайскихъ одъ: «Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, уже показывалась замашка

(*) Ключь, стр. 53.

(**) Слышано отъ гр. Д. Н. Б., которому разсказывалъ это самъ Дмитріевъ

врожденнаго таланта и главныя свойства его: благородная смѣлость, строгія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ.» (*)

Я. Грота.

(*) Москвитянинъ 1842, I.—При разсмотрѣніи читалагайскихъ одъ я пользовался, благодаря обязательности Д. В. Полѣнова, экземпляромъ этой книжки, который нѣкогда принадлежалъ самому Державину, можетъ быть—именно тѣмъ, о которомъ рѣчь идетъ. На немъ есть нѣсколько собственноручныхъ поправокъ поэта; онѣ будутъ означены въ приготовляемомъ академіею наукъ изданіи его, по поводу котораго написана и настоящая статья.

С 239 89

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

LIBRARY OF CONGRESS
00025277235